

Опубликовано в сокращенном виде: Народная культура Сибири: Материалы XIII научного семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору / Отв. ред. Т.Г. Леонова. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2004. С. 220-224.

Е.В. Сафронов (Ульяновск)

Вещее сновидение и сбывшееся событие: механизмы соотнесения

Анализ рассказов о так называемых «вещих» сновидениях показывает, что в достаточно большом количестве случаев соотносимые с ними сбывшиеся события носят негативный для сновидца характер (смерть, болезнь, беда, неприятности в самом широком смысле этого слова).

Это подтверждается, например, публикацией текстов вещих сновидений М.Л. Лурье, А.В. Черешни [см. Лурье 2000, с. 280-310]. Из представленной в этой статье подборки, достаточно полно отражающей разнообразие бытования данных текстов в традиции, более половины соотносятся со смертью (из 78 текстов – 48), остальные (за исключением 5-6 случаев¹) – с такими неприятностями / бедами, как пожар, ранение, война, увольнение с работы и т.д. Об этом же свидетельствуют тексты, собранные в Ульяновской области (всего учитывается более 500 текстов).

Цель статьи – показать, каким образом происходит «подключение» сна к сбывшемуся событию (тем самым мы одновременно попытаемся ответить на вопрос о том, почему в большинстве случаев вещие сны предсказывают события негативного характера).

Подключение вещего сна к сбывшемуся событию осуществляется, в основном, через эмоциональный код. Главной составляющей этого кода является чувство *тревоги*, представляющее собой «некую комбинацию или паттерн различных эмоций», «в основе феноменологии» которого лежит переживание страха [Изард 2000, с. 320-321].

Ср. весьма показательные комментарии информантов:

«Люди говорят: “Не один сон просто так не пройдет, так и так он через год, через два, через три, а всё равно сбудется...” Такие сны, *которые шебутные-то*» [АМИ].

<После необычного сновидения, в котором снился брат, собирающийся приехать к информантке> «Вот почему-то, знаете, – сразу такое предчувствие, не только там в мозгах чё-то работает, а у меня вот отнимаются и верхние конечности, и нижние – я делать ничего не могу, знаете, ничё не могу: ни посуду вымыть, – беру её, а мне кажется, то она жирная, то какая-то нехорошая...» <сбывшееся событие этого сна – смерть брата> [ЛАН] и т.п.

Как показывают примеры, человек испытывает чувство тревоги перед неведомым будущим, словно грозящим оттуда, из грядущего, необычным сновидением, переживает страх перед неопределенностью. В соответствии с этим сновидец старается предугадать кризисные моменты своего бытия, с которыми обычно и соотносятся «вещие» сновидения.

Характерно, что Ю.М. Лотман называет сон пространством, «которое еще надлежит заполнить смыслами»: сон призван выполнять «культурную функцию:

быть резервом семиотической неопределенности...» [Лотман 2000, с 126]. Неопределенность требует большей определенности, – здесь на помощь приходят и традиционные (так называемые «сонники» и т.п.) и окказиональные смыслы-толкования, симультанно «прикрепляющие» тот или иной знак к определенному событию реальности.

Традиционное вторгается во все стадии «сотворения» сновидения:

1) на стадии собственно сновидения; 2) на стадии припоминания – рассказывания; 3) на стадии интерпретации-толкования (иногда 3-я стадия сливается не только со второй, но и с первой); 4) на стадии установления взаимосвязи «сон-сбывшееся событие».

В любом случае запомнившийся сон не оставляет человека традиции (и – вообще – любого человека) в нейтральном положении по отношению к сновидению.

Таким образом, основное стремление сновидца (чаще – бессознательное и подкрепленное эмоциональным фоном тревоги и ожидания) – ликвидировать неопределенность путем соотнесения образов сна с событием. Иногда для этого приходится обращаться к более «знающим» людям – толкователям. (Ср. комментарий одного из «знающих»: «Вот прибегут ко мне, мол, если кто, я говорю: “Вот почему! Вот почему!”» [ХФИ] <т.е. информантка толкует сны односельчан – Е.С.>).

Учитывая сказанное возможно, как представляется, дифференцировать неоднородную массу вещей сновидений по степени определенности / неопределенности (О.Б. Христофорова в работе «Логика толкований» предлагает разделять подобные сны на вещи и «иносказательные» [Христофорова, ruthenia]):

а) группа сновидений высокой степени неопределенности (копают землю, строят дом – символы смерти);

б) «средней степени»: в этих сновидениях присутствует одновременно прямое отражение будущего и «зашифрованное»: например, жене снится недавно умерший муж, сообщающий о том, что «завтра до обеда» он женится на другой – «молоденькой», - проснувшись, информантка в полдень («до обеда») становится свидетельницей гибели молодой девушки, которую хоронят рядом с могилой мужа [ИРП]);

в) «прямые» (определенные) – как бы предвоспроизведение реальности, ее предварительное отражение (например, бабушка перед замужеством видит незнакомый дом и неизвестного ей парня, пришедшего к ней свататься; то же затем повторяется в реальности [PPP]) [ср. со «ступенями семиотизации» у И.А. Разумовой – Разумова 2001, с. 90-93].

Нередко упомянутые выше «сонники» действительно провоцируют то или иное толкование и, соответственно, корреляцию между вещим сном и сбывшимся событием. Однако данный факт нельзя считать универсальной причиной соотнесения. Вещим может быть любой сон [см. Лурье 2000, с. 277], решающая детерминанта корреляции, как мы указывали выше, – страх перед неопределенностью, порожденной зловещим или странным, «шебутным» (по выражению информанта) характером сна. Эту стадию (стадию «шебутного» сна, когда есть факт сна, но нет соотнесения) мы назовем *предвещей*. Характерно,

например, что информантка, рассказывая сон, находящийся на этой стадии, добавляет: «Вот недавно видела сон, – ну, он не сбылся...» [ХФИ].)

Такие клишированные выражения (нередко сопровождающие рассказ о недавно приснившемся сне), как: «К чему бы это?»; «Не знай – к чему...»; «Но он не сбылся...» (ср. выше: «Не один сон просто так не пройдет...») – свидетельство того, что любой сон воспринимается как потенциально «вещий».

Вообще, как справедливо отмечают некоторые исследователи [Лурье 2002, с. 278-279; Панченко 2002, с. 23], в живом бытовании (в реальной практике толкования снов) по сонникам «выверяются» лишь абстрактные (с высокой степенью неопределенности, по нашей классификации), обычно – сюжетно не развитые рассказы о снах. Например: «Снится, что выпал коренной зуб, при этом крови почти не было» «...думаю: «Чё ж такое?» – ну, просто сон запомнился, а потом через некоторое время к матери приехала, – она сказала, что дедушка умер. – Ну, действительно, уже старенький был, уже как-то большого горя не было, – ну, как известие... Ну, вот – зуб выпал – дед помер...» [ДНМ].

Нередко тонкая грань традиционного / окказионального преодолевается, «мерцает», становится совсем незаметной, и тогда толкование может совершаться с перевесом окказиональных смыслов, с созданием своей «индивидуальной мифологии»: «Я о себе хочу сказать, я не знаю, там как... Приметы вот такие у меня существуют: <...> если вот когда сон вижу – за мной бегут жулики, – и очень часто – я не могу убежать, они бегут и я никак, не могу, преследует кто-то, – то это к какой-то прибыли, что-то должно новое в семье появиться, – это моя примета, лично моя...» [ЛАН]. Информантка как бы подчеркивает индивидуальность своего личного «сонника» и даже объясняет «механизм» появления таких окказиональных образований: «Ну, ведь у людей – знаете – у кого-то совпадает, у кого-то не совпадает, – а всё равно говорят, что это – вот к чему...» [ЛАН].

В этом «мерцании» одна из причин того, что часто очевидное для сновидца соотнесение не является таковым для слушателя: «Снится, что после перехода через овраг неожиданно появляется уж, *опутывает ноги* и исчезает» «Вот мне эта и сбилось... – Соб: – Как сбилось? – Ну вот – я вышла замуж (греха таить нечава!), – вышла замуж, шесть месяцев прожила, дитя нажила – и разошлись. Вот и опутал ноги – и ушел!» [КМН]. В данном случае весьма характерен вопрос собирателя, для которого корреляция сна и события скрыта. Любая оценка справедливости, правильности такого соотнесения будет некорректна, ибо «язык» сна в высшей степени индивидуален [Лотман 2000, с. 124, Неклюдов 2002, с. 5]; у сновидца и слушателя разные «системы координат», точки отсчета для восприятия текста сна, в оценке сна.

Действительно важно то, что с образом сна соотносится даже не восприятие как образ какого-либо события, но припоминание его. Именно в этом – возможность соотнесения этих двух явлений на семиотическом уровне – ибо они знаковы и представляют собой тексты: текст сна² и текст (припоминание / вербализация) события.

Если применить, конечно, *mutatis mutandis*, к рассматриваемой системе (сон / событие) понятие «установки» Д.Н. Узнадзе [Узнадзе 1966, с. 135-328], то важно подчеркнуть, что именно это соотношение (сам факт установления данного

соотношения – между сном и событием реальности) порождает установку на провиденциальность, интенцию на катастрофу.

Сон, как и реальность, нуждается в истолковании. Эта потребность в интерпретации рождает собственно установку, ожидание и «сшибку»³ этих двух коррелятов.

По мысли Узнадзе, установка рождается при условии наличия потребности и ситуации, в которой эта потребность может быть удовлетворена [см. Узнадзе 1966, с. 168]. Потребность истолковать сталкивается с событием, удовлетворяющим в каком-то смысле эту потребность, – это есть одновременно и результат и детерминанта установки на кризис, сопровождающейся соответствующими эмоциями (эмоциональный код).

Соотносимое событие, таким образом, – своеобразный крик, возмущение, «совершение» самого бытия [см. Барабанщиков 2002, с. 13]. Человек пристрастно оценивает это пиковое событие. Затем происходит нечто подобное «короткому замыканию» – «сшибка» сна и события (двух миров – нашего и иного).

Итак, под толкованием сновидения в прагматическом смысле мы разумеем соотнесение – «подстановку» [Витгенштейн 1989, с. 252; см. также Христофорова, ruthenia] «знака сна» и «знака события», припоминания сна и припоминания события, сопровождающихся особым психологическим фоном – интенцией на беду, ожиданием кризиса.

Знание толкования – это знание определенной совокупности кодов, по которым одно соотносится с другим. Традиция – и есть тот общий «код», который позволяет дешифровывать скрытое; это своеобразный трафарет, накладываемый на непонятое, явленное во сне, благодаря которому ранее непроницаемое становится проницаемым, понятным, общедоступным.

Отметим, правда, что в некоторых случаях «загадка» сновидения и состоит в том, что логика его толкования сводится к отсутствию этой логики. В то же время человеческое сознание всегда будет стремиться к преодолению неопределенности, «к увеличению коммуникативности» [см. Лотман 2000, с. 125]. Фиксированное воплощение этой тенденции – существование сонников.

Следовательно, сон всегда существует где-то на грани между неопределенностью, хаосом («энтропией») сновидения и упорядоченностью традиции. Можно утверждать, что история взаимоотношений человека с реальностью сна есть история «борьбы с неопределенностью»: включение сна в мантические обряды есть одно из проявлений этой борьбы. Дальнейшая абразия неопределенности позволяет провести свои внутренние границы в вещих сновидениях – по степени этой неопределенности – от «высокой» к «прямой» (см. классификацию выше).

В заключение подчеркнем, что сон – «контактерский» жанр, коммуникативный по своей сущности: вглядывание миров (нашего и иного) друг в друга есть реализация потребности «угадать» своего партнера по коммуникации. Наиболее эксплицитно это выражено в сюжетах тех вещей снов, в которых является близкий сновидцу покойник либо любой другой инфернальный персонаж, сообщающий о будущем (иногда ему даже не приходится что-либо говорить, – значим сам приход).

Неопределенное будущее становится «телесно» осязаемым [ср.: Разумова 2001, с. 71-85 и др.], реальность перестает быть дискретной и хаотичной, но выстраивается в целостность и благословляется порядком.

Список литературы:

1. Барабанщиков 2002 - Барабанщиков В.А. Восприятие и событие. – СПб.: Алетейя, 2002.
2. Витгенштейн 1989. - Витгенштейн Л. Заметки о "Золотой ветви" Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник. М., 1989
3. Изард, 2000 - Изард К.Э. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2000.
4. Лотман 2000 - Лотман Ю.М. СЕМИОСФЕРА: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.:Искусство- СПб., 2000.
5. Лурье 2000 - Лурье М.Л., Черешня А.В. Крестьянские рассказы о сбывающихся снах // Традиция в фольклоре и литературе: статьи, публикации, методические разработки преподавателей и учеников Академической гимназии СПбГУ // Ред.-сост. М.Л. Лурье. – СПб., 2000.
6. Лурье 2002 - Лурье М.Л. Вещие сны и их толкование (на материале современной русской крестьянской традиции) // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты (Серия «Традиция, текст, фольклор») // Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2002.
7. Малкольм 1993 - Малкольм Н. Состояние сна/ Пер. с англ. и предисл. В. Руднева. – М.: Прогресс, 1993.
8. Небжеговска 1994 – Небжеговска С. Сонник как жанр польского фольклора // Славяноведение. – 1994. - № 5. – с.67-74.
9. Неклюдов 2002 – Неклюдов С.Ю., Христофорова О.Б. Предисловие // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты // Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2002.
10. Панченко 2002 - Панченко А.А. Сон и сновидение в традиционных религиозных практиках // Сны и видения в народной культуре: Мифологический, религиозно-мистический и культурно-психологический аспекты // Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2002. – с. 9-25.
11. Разумова 2001 - Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. – М.: Индрик, 2001.
12. Толстой 1997 - Толстой Н.И. S. Niebrzegowska Sennik jako gatunek polskiego folkloru. Słownik i semantika. Rozprawa doktorska Lublin, 1995 // Славяноведение. – 1997. - № 4.
13. Узнадзе 1966 - Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966.
14. Христофорова, ruthenia - Христофорова О.Б. Логика толкований: фольклор и моделирование поведения в архаических культурах// <http://ruthenia.ru/folklore>.

15. Niebrzegowska 1996 - Niebrzegowska S. Polski sennik ludowu. – Lublin, 1996.

Список информантов:

1. Андреева Мария Ивановна, 1932 г.р., 3 кл., русск., местн. - с. Сухой Карсун Карсунского района Ул. обл., **(АМИ)**.
2. Дружкова Наталья Михайловна, 1956 г.р., высш. обр, русск., род. в г. Александровск Сахалинской обл.,, библиотекарь, живет и работает в г. Ульяновске **(ДНМ)**.
3. Иноземцева Раиса Павловна, 1927 г.р., высш. образ., русск., г. Ульяновск **(ИРП)**.
4. Кучкина Мария Николаевна, 1914 г.р., неграм., русск., с. Бар. Слобода, Сурский район, Ул. обл., **(КМН)**.
5. Ларина Алла Николаевна, 1937, высш. образ., русск., с. Сухой Карсун, родилась в г. Новосибирске, в Сух. Карсуне с 1962 года **(ЛАН)**.
6. Разутдинова Роза Рифкатовна, 1985 г.р., , средн. образ., татарка., г. Ульяновск **(РРР)**.
7. Хахулина Фаина Ивановна, 1938, 4 кл., русск., с. Сухой Карсун Карсунского р-на Ул. обл. **(ХФИ)**.

Примечания:

¹ Упомянутые 5-6 примеров «положительной» корреляции, в основном, связаны с некой переходностью, судьбоносностью произошедшего – рождение, встреча, переезд и т.п., - т.е. с событиями, также как-то меняющими привычный ритм жизни, яркими, нуждающимися в истолковании, нередко – *опасными*.

² Рассказанный сон не есть сон в собственном смысле этого слова, но уже – культурная «игра», культурный символ, «говорящий», предвещающий и т.д. [См. об этом: Панченко 2002, с. 10 -12; с.23, примеч. 4; также – Малькольм 1993].

³ Пользуясь одним из лосевских определений символа [Лосев 1976, с. 18], в толковании которого оппозиция наш мир–мир иной всегда, еще с античности, играла огромную роль.